

4. Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. М. : Академия, 2002.
5. Ежеленко В.Б. Новая педагогика массовой школы. СПб., 2005.
6. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
7. Радионова Н.Ф., Ривкина С.В. Взаимодействие субъектов педагогического процесса как источник его обновления // Человек и образование. 2012. №2.

Pedagogical process in the context of the humanitarian approach

From the positions of the humanitarian approach there is revealed the essence of pedagogical process which is analyzed as a developing and developed correlation, as holistic and polystructural, cyclic and regular. There are sorted out its spatial and temporal characteristics, direction, sociocultural and life conformable character.

Key words: *pedagogic goal, contents, pedagogic interaction, pedagogical process.*

М.В. ШАКУРОВА
(Воронеж)

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ: ОПЫТ РАЗМЫШЛЕНИЯ

В контексте задач современной модернизации образования рассматривается проблема формирования российской идентичности личности: идентичность как элемент самосознания, особенности формирования российской идентичности (на социокультурном и личностном уровнях), специфика педагогического сопровождения данного процесса.

Ключевые слова: *идентичность, российская идентичность как социокультурная, российская идентичность как личностная, социально-педагогическое сопровождение.*

Непрерывными условиями эффективности любой деятельности являются четкость и ясность для исполнителей ее целевых установок. Документы и материалы модернизации образования, в первую очередь феде-

ральные государственные стандарты различных этапов и уровней образования, Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, в качестве целевого ориентира, а следовательно, ожидаемого результата, наряду с привычными формулировками, используют конструкцию «идентичность» (*российская гражданская идентичность, гражданская идентичность, национальная идентичность* и т.п.). Учитывая прозвучавший выше тезис, отметим, что часто задаваемый нами в профессиональной аудитории педагогов, организаторов образования вопрос о том, что есть идентичность в целом, российская гражданская идентичность в частности, более чем в 95% случаев остается без ответа. В размышлениях на первую часть вопроса, как правило, звучит фрагментарная информация об идентификации (в том числе с негативными оценками, поскольку данный процесс «мешает» индивидуализации). Вторая часть вопроса воспринимается профессиональной аудиторией с большим энтузиазмом, т.к. ответ «лежит на поверхности»: гражданская идентичность рассматривается как синоним гражданственности, сущность и содержание которой многие работники образования готовы подробно характеризовать. К сожалению, приходится констатировать, что при подобной ситуации с информированностью педагогов современная цель образования в отдельно взятом фрагменте вряд ли может быть полноценно реализована.

Случайно ли появление в концептуальных, программных, нормирующих материалах сферы образования конструкции «идентичность»? Не является ли этот факт данью моде на новые слова, наукообразные формулировки?

Полагаем, что нет. Анализ современной социокультурной ситуации заставляет обратить внимание как минимум на два существенных актуализирующих тематику идентичности изменения в жизни молодых людей.

Во-первых, к символам времени можно отнести социокультурную мобильность. Она обеспечивает постоянное «перемешивание» индивидов, которые вынуждены не только адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности, но и пересматривать набор актуальных образов самого себя, отыскивая адекватные той социокультурной ситуации и тому социокультурному окружению, в ко-

торых они оказались. Справедливости ради отметим, что возможен и другой сценарий: можно «закрыться» в относительно стабильной общности, сохраняя собственную аутентичность, но вероятность того, что человеку удастся без вреда самому себе удержать подобное положение вещей длительное время, невелика. Как следствие, традиционные представления о Я-концепции (самости) приходится дополнять указанием на все увеличивающийся слой подвижных Я-образов, которые приобретаются, опробываются, отвергаются/принимаются каждым человеком. Отличительными признаками этого слоя является почти полное отсутствие фантазийных, идеализированных образов. Доминируют реалистичные, подтверждаемые в постоянном общении с актуальным окружением. Реалистичность и подвижность – ведущие характеристики идентичности, которые следует учесть, размышляя о роли и возможностях системы образования в решении стоящих перед ней сегодня задач.

Во-вторых, объективно увеличивается доля самостоятельного выбора индивидом сюжетов и сценариев собственной жизнедеятельности. Традиционное наследование (социальное, профессиональное и т.п.) все чаще подменяется поисковой активностью, опорой на референтов, моделированием себя и своей жизни. Самоопределение не разворачивается в привычно заданных границах, традиционно закрепленных за тем или иным возрастом, а настойчиво выходит во «взрослые» пространства. Социализация все увереннее противостоит воспитательным практикам, в силу чего последние, к сожалению, переходят в разряд симулякров. Система образования, не обеспокоенная политикой идентичности, использующая механизмы навязывания, а не обеспечения выбора, уступающая иным социальным институтам в значимости для конкретной личности, фактически отказывает личности в реальном социально-педагогическом сопровождении развивающейся у нее социокультурной и личностной идентичности.

Для дальнейшего рассуждения определимся с пониманием базового для данного рассуждения понятия. Идентичность человека – элемент его самосознания (если мы говорим о групповой идентичности или идентичности более широких общностей, то подразумеваем, что есть некий аналог: «самосознание группы», «самосознание общности» как результаты коллективного осмысления и само-

ощущения «Мы»); это подвижное, противоречивое образование из наиболее существенных (базовых) элементов Я-концепции и постоянно привносимого нового опыта, нового видения своего Я.

Для человека ощущение своей идентичности всегда актуально и реально, другой разговор, что сами характеристики Я ситуативно могут быть иллюзией. Например, в ряде исследований находим описание механизма формирования предписанной и навязанной идентичности. В случае с предписанной идентичностью механизм ее появления прост: группа идентифицирует человека, но и он сам, ориентируясь на эти идентификации, определяет себя. Эти определения могут не совпадать. Как результат идентификации идентичность имеет место быть, но как элемент самосознания она отсутствует. Мы можем считать школьника патриотом, потому что он принял участие в ряде акций, называем его так, но он сам себя так не называет. Налицо предписанная идентичность.

Идентичность всегда нуждается в подкреплении, подтверждении со стороны тех, кто человека окружает, и, прежде всего, тех, кто является для него значимым. Вот почему так важен метод примера в воспитании, а еще важнее – какие характеристики человека (назовем их антропообразцы, типизации) ему предлагаются или просто его окружают. Если речь идет о детях и молодых людях, то эти антропообразцы должны быть:

- *человекоразмерными* (современный человек реально может быть или стать таким);
- *культуроразмерными* (эти антропообразцы представляют значимость и ценность для культуры вообще и тех субкультур, к которым в большинстве случаев принадлежат (или могут принадлежать) дети и молодые люди);
- *социоразмерными* (современное общество обладает необходимым набором условий, позволяющих самореализоваться человеку с такими характеристиками);
- неподменяемыми абстрактными описаниями или названиями пусть желаемых, но обобщенных качеств (ср.: *Кузьма Минин как гражданин, гражданин, гражданственность*).

Современные исследователи в структуре идентичности выделяют три уровня: социокультурная, личностная, самоидентичность. Для организации педагогического процесса важно, что в рассматриваемой иерархии идентичностей базовой, как правило, выступа-

ет социокультурная идентичность, а высший уровень развития – самоидентичность – описывается на личностную идентичность как промежуточный уровень. Личностная идентичность организована социально и является набором исключительно уникальных характеристик, сводимых к различиям. Если оценивать указанные уровни по степени «управляемости», то максимальную роль педагоги могут сыграть в формировании социокультурной идентичности. Основа формирования данного уровня идентичности человека – предложение образца-референта, по образу и подобию которого возможно и нужно строить себя. Напомним при этом, что полагая данные образы, работники образования должны создавать ситуации их выбора, а не навязывания или формального информирования о них.

Более сложной задачей является обеспечение идентичности того или иного вида как личностного результата. Необходимо обеспечить выход на формирование личностной идентичности с определенными желаемыми характеристиками, учитывая тот факт, что она строится по механизму не подобия, а различия. Система образования должна предоставить молодому человеку возможность социальной практики (творческой, а не образцу) и самоутверждения в том или ином Я-образе в условиях данной системы и осваиваемых (присвоенных) ею пространств. Чем старше школьник, тем шире ареал утверждения себя в том или ином образе.

Есть еще один принципиальный момент, который следует учесть работникам образования, приступающим к решению задачи формирования идентичности личности (вне зависимости от вида идентичности: гражданской, профессиональной, гендерной и т.п.). Этот элемент самосознания, имея собственную логику развития, в период школьного детства проходит в идеале три этапа: детская идентичность, кризис идентичности, взрослая идентичность. Кризис суть переход от детского этапа к взрослому. Педагогам следует считаться с тем, что ребенок переживает ряд трансформаций самосознания, знать и понимать их суть, а в идеале сопровождать школьника в этом сложном процессе. Что же должно произойти с ребенком?

Во-первых, подростку (а кризис идентичности нормативно должны переживать именно подростки) необходимо постепенно перейти от ориентации на конкретных значимых Других как носителей образцов и суждений о нем к ориентации на обобщенного Друго-

го («так поступают и так меня воспринимают значимые для меня люди в большинстве своем»). На смену персонам приходят обобщения «Мы» и «Они», с которыми и соотносит свой образ молодой человек.

Во-вторых, должен произойти постепенный переход в ориентации подростка на социальные роли: от единичных разрозненных социальных ролей (как правило, сын/дочь, друг, школьник) к целостности определенного многообразия социальных ролей. Важным становится не столько набор ролей, сколько их сопряженность. Осваиваются рисунок и требования социальной роли не сами по себе, а в связи с необходимостью их сочетания (например, дочь – подруга – школьница – отличница – любимая девушка – член неформального молодежного объединения).

В-третьих, на смену преимущественно эмоциональному восприятию собственных актуальных образов приходит стремление осознания, оценки, опробования. В то же время эмоциональные связи и отношения как основа членства в группе должны быть дополнены, а в отдельных случаях в определенной мере вытеснены деловыми связями и отношениями. Последние надо уметь выстраивать и поддерживать. Фактически должен произойти переход от восприятия себя через право быть членом сообщества к осознанию и реализации обязанностей, которые это членство влечет.

В-четвертых, должен измениться характер идентификаций – от заимствования образцов и оценок себя (значимые взрослые говорят ребенку о том, кто он есть, и демонстрируют то, кем он должен стать) к самоопределению, саморазвитию, самовоспитанию.

Применительно к задаче формирования российской идентичности личности обратим внимание на еще одну особенность учета возрастных особенностей детей. Базовыми для формирования российской идентичности большинство авторов называют следующие общности:

- этнонациональные (в качестве стержневой рассматривается этническая и/или национальная идентичность);
- государственно-гражданские (в качестве стержневой рассматривается гражданская и геополитическая идентичность);
- региональные (в качестве стержневой рассматривается региональная или территориальная идентичность).

Становление идентичности – это процесс, имеющий возрастные детерминанты, и принадлежность личности к данным общ-

ностям должна рассматриваться с точки зрения динамики их приоритетности на различных возрастных этапах. Включение индивида в социум разворачивается от «узкого» (микросоциального) соотношения к «широкому» (макросоциальному). «Субъект закономерно начинает свое соотношение с малых и раздробленных структур микросоциальной среды, постепенно доходя до социетальных характеристик, когда происходят проецирование и формирование “самости” уже в более “широком” контексте, где доминирующими понятиями, с помощью которых субъект описывает свою включенность, являются культурные, этнопсихологические, политические», – отмечает М.В. Берендеев [1, с. 11]. При этом необходимо учитывать эффект «трансляционного наложения»: более мелкие общности в снятом виде транслируют, неизбежно интерпретируя и дополняя собственными смыслами, базовые конструкты более широких общностей.

Таким образом, в педагогически значимом смысле речь должна идти о возрастосообразности предьявления ребенку тех или иных идентификаторов и значимости ведущих агентов социализации. Например, российская идентичность младшего школьника будет формироваться прежде всего под влиянием семьи, этнической и/или религиозной группы (в случае их актуальности для ребенка); подростка – в рамках представлений о малой родине как освоенном и присвоенном пространстве, об образе территории, которую он называет «своей». Лишь в юношеском возрасте складываются возможности для формирования российской идентичности в геополитическом, гражданско-государственном, национальном смысле. Очевидно, что на когнитивном и эмоционально-ценностном уровнях эти смыслы в определенной мере доступны младшему школьнику и подростку, но деятельностный компонент вряд ли может быть полноценно освоен в повседневной практике.

Данное рассуждение дает возможность увидеть логику педагогической деятельности по формированию российской идентичности. При этом критерием определения доминирующего смысла выступает не некая универсальная последовательность (в одной возрастной группе обязательны одни смыслы, а в другой – иные), а реальный выбор субъектом референций.

Таким образом, мы считаем, что российскую идентичность (российскую, гражданскую российскую, российскую гражданскую и т.п.) на социокультурном уровне можно при определенных условиях рассматривать в качестве результата деятельности образовательного учреждения, результата воспитания (образования). Те же виды идентичности на личностном уровне, видимо, все же являются эффектами воспитательной (образовательной) деятельности. Школьнику необходимо самому из многочисленных влияний выбрать значимые, синтезировать предлагаемые антропообразцы, «увидеть» себя в этих антропообразцах, избежать навязывания нежелательных идентификаций и т.п. Вспомним, однако, что достижение личностного уровня российской идентичности невозможно без успешного формирования данного вида идентичности на социокультурном уровне, где от прямых и косвенных педагогических влияний зависит очень многое. Кроме того, система образования имеет наработанный арсенал средств, позволяющий помочь школьнику в решении задач самопроб и самоутверждения в качестве человека-патриота, человека-гражданина, человека-россиянина.

Литература

1. Берендеев М.В. Специфика идентичности населения эксклава в постсоветский период: состояние и тенденции развития (на примере Калининградской области) : автореф. дис. ...канд. социол. наук. М., 2007.
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. ; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М. : Прогресс, 1996.

Russian identity as a personal result: reflections

In the context of the tasks of the modern modernization of education there is considered the issue of formation of the Russian personal identity: identity as the element of self-consciousness, peculiarities of formation of the Russian identity (at the sociocultural and personal levels), specificity of pedagogic support of the process.

Key words: identity, Russian identity as a sociocultural one, Russian identity as a personal one, socio-pedagogic support.